

Лит. газета — 1996 — 27 нояб. — с. 8

“Коммунист с киноаппаратом”

Так в свое время называли **Романа Кармена**, но этим штампом не исчерпывается наследие выдающегося кинодокументалиста, писателя и публициста, которому в ноябре этого года исполнилось бы 90 лет. Сегодня с журналистом-международником **Александром КАРМЕНОМ**, рассказывающим о неизвестных сторонах жизни и творчества отца, беседует **Александр ИГНАТОВ**.

— Александр, вы часто вспоминаете отца?
— Очень часто. Это может показаться патетикой, но где-то в глубине души я до сих пор не смирился с тем, что его нет. Для меня он жив. Последнее письмо отца я получил через полтора месяца после его похорон...

— Что вы считаете главным в духовном наследии, оставленном вам отцом?

— Если одним словом, то — все. А если конкретнее... Ну, например, он научил меня неприятию лицемерия, подлости, чиновничьей тупости и невежества. Нетерпению к предательству.

— Это, так сказать, наследие морально-этическое. А в плане профессиональном?

— Любовь к “испанизму” в самом широком смысле этого слова. Ведь он был участником испанской гражданской войны, снял уникальные хроники той первой схватки человечества с фашизмом. Я рос, окруженный отцовскими рассказами об этой славной эпопее, фото- и киноматериалами тех лет и, конечно же, его друзьями-ветеранами, которые собирались у нас на Большой Полянке. Это было замечательное интернациональное братство однополчан-единомышленников. Привязанность к испанской теме повлекла за собой интерес к Кубе, к Латинской Америке.

— Куба тоже стала важным этапом в его творческой биографии, не так ли?

— Очень важным. Отец сразу же уловил веявшие от кубинской революции, всегда волновавшие его ветры новизны. Он сделал прекрасный фильм “Пылающий остров”, и что бы ни говорилось сейчас по этому поводу, но факт остается фактом: каждой его сеанс всякий раз заканчивался настоящей эйфорией зала, вдохновенно аплодировавшего в такт знаменитому “Гимну 26 июля”: “Adelante, cubanos!” — “Вперед, кубинцы!”

— Как бы отнесся Роман Кармен к нынешнему повороту в российско-кубинских отношениях?

— Возьму на себя смелость утверждать категорически: он никогда бы не одобрил ни российской “блокады” Кубы, ни злобного издевательства в нашей прессе над тем, что было и есть сегодня на острове.

Как могут российские дипломаты на ооновских и прочих международных форумах присоединять свои голоса к голосам

закоренелых врагов Кубы! Ведь если быть честными до конца, то не на нас ли всех лежит вина за то, что сегодня так не нравятся в Кубе всем ее, мягко говоря, “критикам”? Бог свидетель тому, с какой тупой настойчивостью насаждали там московские “советнички” самые худшие наши нравы и порядки, стремились подогнать кубинскую революцию под рождавшиеся в умах цеховских тиранозавров догматические схемы “марксистско-ленинского развития”. И как кубинцы сопротивлялись, порой даже отчаянно, этому наглому прессингу! А теперь после трех с половиной десятилет такого нажима мы позволяем себе судить да рядить о том, что такое хорошо и что такое плохо в чужом, нами же изгаженном доме...

— Александр, вы сказали, что отец завещал вам “неприятие чиновничьей тупости и невежества”. А ведь Роман Кармен всегда шел в ногу с этими “чиншумами и бюрократами”, сотрудничал с ними, выполнял их волю. Стало быть, вы говорите это сегодня, отдавая дань времени?

— Очень хорошо, что вы это спросили. Сегодня очень легко говорить: “Они же все видели и знали! Почему же молчали, не разоблачали, не уехали в конце концов?”

Да, мой отец никогда не был открытым, воинствующим диссидентом, не подписывал никаких петиций и прошений. Никогда бы он и не уехал, хотя и такие предложения он тоже получал оттуда. Знал ли он “все”? Многое — да, несомненно. Но, как и все мы, далеко, очень далеко не все. А тот негатив, который был ему известен, он никогда бы не стал выносить на всеобщее обозрение, как сор из избы. Он слишком любил свою страну, знал, через что она прошла, он защищал ее, соиздавал и терпеть не мог, когда ее оскорбляли.

Сейчас, с высоты лет, могу утверждать: он был излишне доверчив и даже наивен. Так однажды он искренне поверил, когда один уважаемый им человек “под стражающим секретом” в “доверительном” разговоре сообщил ему “подробности” о предательстве Буковского, Щаранского и кого-то еще. И под воздействием этой доверительной беседы, буквально потрясенной отца своей “фактурой”, он написал статью, которой наверняка сейчас бы постыдился. Это был, пожалуй, единственный случай, когда его перо “поскользнулось”, будучи, повторяю, коварно обманутым. А сколько он помогал нашим советским “униженным и оскорбленным”, обивал пороги судов и всяких высоких инстанций, защищая добрые имена несправедливо забытых или обиженных людей — его друзей, коллег, солдат Великой Отечественной и даже совсем ему не знакомых!

— И все-таки он был из тех, кого называют “обласканными”.

— “Коммунист с киноаппаратом”, “верный слуга партии”... Да, не спорю, так называли его на его юбилеях. Если быть честным, то, конечно же, отец верил в правоту идеи освобождения людей от насилия, произвола и эксплуатации — духовной, эко-

номической, расовой, политической. Но он никогда не мог смириться с теми, кто превратил эти идеи в удобную кормушку, и когда он обличал с экрана иноземных эксплуататоров, издевался над установленными в странах с диктаторскими режимами методами управления обществом, разве это не обращалось бумерангом против тех, кто насадил те же порядки у нас? Эзоповский язык был присущ всем настоящим художникам той поры. Вспомните “Обыкновенный фашизм” Михаила Ромма. Разве этот фильм только о гитлеризме?

Он был неистовым тружеником. И все, чего он был удостоен — высокие звания, премии, ордена, медали, звезда Героя Соцтруда, кое-какие льготы на старости лет, все это он заслужил, грубо говоря, “своим горбом”, адским трудом по 18 — 20 часов в сутки. И никому и никогда не приходило на ум попрекать его “обласканностью”.

— Но Кармена не постигла участь его коллег, чьи работы запрещались, не выходили на экран?

— Почему же? Сколько задуманных и снятых им и его коллегами сюжетов оставалось “на полке” в его монтажной! А как расценить то, что работы над большими фильмами об Испании и о Китае, сложенными в значительной степени на основе отцовских съемок, отдавали делать другим? Не вышел к зрителям его послевоенный фильм о героическом Ленинграде. Очень противоречивый осадок оставила и его первая “Великая Отечественная”. Отец стремился сделать фильм-правду о великой и страшной войне, ему впервые открылись киноархивы тех лет с пронзительными кадрами нашей настоящей, а не лакированной войны. Многие из этих кадров были сняты и им самим. Он хотел показать эту правду, а от него снова потребовали, как он говорил, “двухсерийный парад в честь 20-летия победы”.

А вот еще совершенно неизвестный факт. Во время войны, как, впрочем, и всегда, отец работал не только кинооператором, но и журналистом, передавал статьи и заметки в “Известия”, в тогдашний ТАСС, в ЮПИ. А его корреспонденции (за исключением тех, что шли на Запад и печатались на первых полосах ведущих мировых газет) почему-то “выходили в свет” под чужой фамилией. Он страшно переживал это, не мог ничего понять и исправить положение тоже: он же постоянно был на передовой.

А его лента о комиссаре Зуеве, знакомом отцу еще по Испании? Он попал в окружение и, пытаясь вывести своих однополчан, героически погиб в бою. Раскопав с помощью известцев его историю, отец решил создать фильм-памятник Зуеву. Но ЦК и начальник Главного политуправления ВС СССР Елишев наложили табу на эту “ленту о власовце” — когда-то комиссар действительно служил под началом этого генерала. Кстати, о Власове. Отец знал

его очень хорошо, и для него поступок генерала, перешедшего на сторону врага (такова была единственная доступная по тем временам версия), был актом предательства, с чем он мириться не мог. Но в то же время отец не раз говорил мне, что “не верит” официальной версии: “Не мог он вот так запросто взять и повернуть оружие против своих. Он не такой, что-то стоит за всем этим, что нам недоступно...”

— И все же с именем Романа Кармена связано немало картин, прославлявших сталинизм...

— Давайте разберемся в формулировках и сделаем хотя бы небольшую поправку на время. Я мог бы привести немало фактов и слов отца, вынужденного, подобно сотням его коллег, лавировать, наступать на горло собственной песне. И в то же время оставаться самим собой.

Во время венгерских событий я лежал в больнице. Отец пришел навестить меня, и я спросил его, что же там такое творится. Сначала он молча смотрел на меня, как бы проверяя, пойму ли я то, что кипело в его голове, потом сказал: “Это большой урок тем толстым жопам, что засели в ЦК и Кремле. Хорошо бы, они поняли этот урок и извлекли из него выводы”. И добавил: “Там действительно воюют за свободу, против нас. Ведь мы же там — оккупанты. Вот и довели их... Жалко только, что жертвами этой войны становятся наши солдатики, дети тех, кто когда-то освобождал эту страну от фашизма...”

Роман Кармен никогда не был циником. Он всю жизнь оставался по-детски наивным романтиком. Ему нравились сильные, героические личности. Он преклонялся перед “безумством храбрых” во всех его проявлениях — шла ли речь о революционерах далекой Латинской Америки, уникальных разведчиках или о героях труда, таких, как его любимые “нефтяники Каспия”.

Мне кажется, что нередко отец воспринимал жизнь такой, какой хотел бы видеть ее. Такой подход помогал ему жить и творить. И не случайно поэтому он так бережно хранил память о “своей Испании”. Именно “его Испания”, а не той, в которую ее превратили потом.

— А он знал о закулисной стороне испанской эпопеи?

— Конечно, знал, хотя тоже до известных пределов. И тем не менее он знал немало — и то, как мы же предали Испанию, и то, как потом беспощадно уничтожали тех, кто, подобно ему, был там добровольцем. Это была его боль, и он старался не говорить об этом вслух.

— Как вы отнеслись к разгрому его квартиры в доме на Котельнической набережной?

— Однозначно. В мае 1933-го на площади Оперы в Берлине фашисты жгли книги, которые на протяжении многих десятилетий помогали нам становиться и называться “гомо сапиенс”. В сентябре 1973 года солдаты, одетая в такую же форму, сделала то же самое в Сантьяго-де-Чили. Тогда же она ворвалась в дом великого чилийского поэта Пабло Неруды, устроила там чудовищный погром, залила дом стоками канализации. Полтора десятилетия спустя фашисты с партбилетами КПСС в кармане сделали фактически то же с квартирой моего отца на Котельниках.